

Саша Зверев

Русская Тоска

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Саша Зверев

Русская тоска

«Автор»

2026

Зверев С.

Русская тоска / С. Зверев — «Автор», 2026

Книга о людях, России, тоске и метафизике повседневности. О тех, кто пытается жить и ищет смысл. О разговорах на кухнях и ночных улицах, о работе, любви, одиночестве и надежде, что всё обязательно будет хорошо.

© Зверев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Как мы тут живем	5
Смерть как перформанс	7
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Русская тоска

Как мы тут живем

Монолог

Горячо приветствую вас, Николай. Правильно? Меня зовут Игорь Андреевич. Пишу вам уже в который раз. Не в том смысле, что письма не доходили, а что сам я рвал их и выбрасывал. Херню-то я не могу вам написать. Правильно? Дело ответственное. Здесь трясёт, я в электричке еду, поэтому пишу криво и грязно. Тут сильно и тошнотно пахнет семечками. Меня мутит порядочно сейчас из-за этого.

Мы вчера с водителем Андрюхой пили спирт с мёдом после работы. Кроме мёда ничего у него не было. Но так даже лучше. Мёд придал мне здоровья, сил и даже уверенности вам написать. Сегодня бумагу рвать не буду. Грешно это. Если бы не мёд, спал бы сейчас тут на деревянной лавке. Всё равно один еду. У меня сумка с собой, я бы под голову её скомкал и дремал спиртовым сном. Да и сапоги бы снял, чтобы лавку не замарать грязью. Я их хоть из шланга и окатил вчера у Андрюхи, но до станции всё равно по ебням нашим шёл. Весна. Мёд полезный, бабка говорила.

Вы мне обратную бумагу не пишите. Правильно? Нахера оно? Хотя писем я нормальных человечьих не получал. Только из суда. Да и то сам забирал. Не принёс бы даже никто. Я почтальон же. Вы песню слышали «Полковнику никто не пишет»? Мне папка показывал. Это же херня полная. Всем письма приходят административные. Знаете, что это такое? Это когда государство вам пишет, Россия то бишь. Говорю же, даже мне приходили. Меня Россия в суд звала, а я один хрен не поехал — работать-то кто будет. Потом штраф пришёл, я его на почте и оплатил половиной получки. Я уж вам рассказывать не буду, чем нагрешил. Не уголовник я.

Вы за матерщину-то извините меня. Я заметил, что выше написал случайно. Если глаз режет, письмо скомкайте, да выбросьте нахуй. Иначе и не скажешь. Я мужик простой, интеллигент, наверное, не быдло — на почте же работаю. У нас на несколько деревень одна машина и мы с Андрюхой ездим. А кто ездить-то будет? Мужики все спились, да подошли — работы нет у них, ездить не на чем. Поумнее кто — уехали куда-то и ни слуху, ни духу. А меня сюда папаша устроил, пока не помер. Дом наш уже сгнил и сплю я на почте. Папка сам там работал и мне велел. Мамку я и не помню. Бог с ней. Папаша воспитывал ладом. Бабки одни в деревнях остались, говорит, помогать надо. В одной лодке: мы с Андрюхой ездить не будем, так они подохнут с голоду все. Правильно? А коль они подохнут, то и нам кирдык. А так мы им и макаронки возим, колбасу, молочку. У них мяса-то нет. Какое хозяйство бабкам? Огород хоть и ладно. Писем им почти не пишут, я вам скажу по секрету. Тоже Россия только пишет иногда. На 9-е мая и то, да сё. Мы им и пенсию возим, они её нам тут же отдают вместе со списком, что хотят. И мы обратно деньги везём. Хер его знает, че их катать туда-сюда? Ну бабки некоторые себе оставляют понемногу. Кто отправляет кому-то — дуры, а кто на похороны копит. Их хоронить-то некому, а копят. Спирта бы лучше взяли хорошего, да мяса. Мы списки их потом вместе с пенсиями в город отправляем, и нам привозят всё. Дрова им ещё пригоняют, ну это уже не мы. Сами нанимают бывает. Тоже дорого. А что делать? Правильно? Мёрзнут.

У нас и клуб раньше был, и больница порядочная хоть в одной деревне. А щас нихера нет. Фельдшер Миха есть только. Так он только смерть понять может и выпить за упокой — господь его душу. Почта для деревни — это царь и бог. А я почтальон — слуга его.

Я-то сам сейчас в город еду. Он не далеко ведь — километров сто на электричке. Ну и до станции я сегодня километров пять утром топал. Я был в городе уже несколько раз. Три раза

даже. В детстве с отцом ездили. Потом, когда в армию уходил, и когда приходил. Начальство меня в город вызвало. Звонят и говорят, разговор у них серьёзный, ну это Андрюха так сказал — он разговаривал. Говорит, его разрешили не брать. Почтальон-то я, а не он. А Андрюха и рад. Спит довольный, весь в меду, зарплата же была недавно. Спирт купить успели, а еды не привезли тогда ещё. А меду нам случайно послали, Андрюха и выкупил. Ну а как иначе. Правильно? Андрюха говорит, начальство хотят сказать про какую-то то ли реорганизацию, то ли оптими..., да хуй его знает короче. Ситуация у них сложная, как обычно. А у Андрюхи, алкаша, память плохая. Повысят, наверное. Куда выше только? Не уберут же нас. Умрём все.

А я писем ведь не писал никогда, вот че и пишу эту телегу. Отправил тыщи уже. А написал бы хоть одно? Хер. Кому писать? России что ли? Нахер я ей нужен. Напился как-то и думаю: не помирать же так безвестно, писем не писав. Все писали и бабки даже пишут, а я не писал. А я не дурак же какой. Тоже хочу. Сейчас и отправлю письмо своё от начальства. Говорят, у них хорошее отделение почтовое, большое — марок завались. Адрес ваш у бабки одной подсмотрел, она вам недавно писала. Хер его знает, кто вы. Надеюсь, что хороший мужик. И имя у вас красивое. Царское. Да и в городе большом живёте. Почитаєте хоть, как в деревнях живут. Выпейте за меня, если пьёте. А не пьёте, так и письма обратного не пишете.

Смерть как перформанс

Монолог

И вот отпуск. И только я села в самолёт, укусила булочку и сломала себе передний зуб. Булочка ещё моя была. Не предъявишь никому даже. Обидно было, конечно. Ужасно обидно. Булка с куском зуба в мусорку. Первый отпуск и такое. Да его даже отпуском назвать с натяжкой можно. У меня несколько проектов по таргету было тогда, которыми почти каждый день заниматься нужно было. Тем не менее, отпуск. Сбылась мечта фрилансера — работать у моря с коктейлем. Да хотя я и к морю-то не ходила, всё в отеле у бассейна. Зачем это море, если в отеле всё принесут, поднесут. Лежи себе — работай. Да и зубом своим обломленным сверкать что ли?

Севастополь, невероятный город конечно. По вечерам в бары ходила — в темноте зубы плохо видно. Мой любимый, как бы это не было банально, в морском стиле. Но выделиться они смогли — всё как будто под водой: рифы там, корабли затонувшие. Интерьер весь синий такой. Там я с Лизой познакомилась — художницей. Она как Венера у Боттичелли в бар зашла тогда. Не голая, конечно, но очень эффектно. Длинные рыжие волосы, белое лицо. Одна сидела всё, пока я с ней не заговорила. Старше меня на 8 лет, она была прекрасна, и жизнь у неё практически один в один. Только не из Екб, а из маленького городка под Челябинском приехала. Там она заканчивала колледж, жила с матерью и мечтала уехать. Невероятные картины писала и мне подарила. Какая-то морская абстракция. Над кроватью повесила. Я разбираюсь не сильно, но в интерьер она хорошо подошла. Чувствую себя, как малолетка, когда описываю это. Но было и вправду мило. Мы даже рисовали вместе. Под «Кровосток» и «Хаски». Музыка на картины влияет сильно. Да и многое влияет. Я же училась 3 года на дизайнера, мы там проходили. Есть история, как ДиКаприо на Мону Лизу посмотрел и разрыдался. Вот.

Лиза ещё заставляла меня саму рисовать. Якобы у меня талант. Книжки мне читала, рассказывала. Врунья. Любила она очень плавать в море, хоть море здесь и не спокойное. Как мне сказала, ради моря она сюда и переехала пару месяцев назад. Ну типа вдохновение все дела. Я ходила с ней, но так и не поплавала ни разу — страшно. Сидела себе на полотенце в полоску и либо рисовала её, плескающейся в воде, либо работала.

Я после школы хотела в Питер ехать. На архитектора поступать. Но чё-то не поехала. Мама отпускать не хотела, да и денег не было. Да маме, если честно, до меня дела не было, ей бы свои проблемы уладить. И поступила тут у нас. На дизайнера. Так ни дня не проработала по профессии, как и все из группы. Зато с тех пор я хожу с каре. А нет, одна девочка визитки делает, но там такие визитки, что можно было не учиться. А я хотела доучиться и уехать. В Питер, конечно же. Жесть это ванильно звучит. Ну да ладно. В итоге, когда закончила, тут уже парень был и никуда мы не уехали. Я нашла работу обычную совсем. А потом мы расстались. Он уехал куда-то, а я опять осталась. Говорил, что его в армию забирают, но почему он не пишет тогда, а онлайн. Да и фотки выкладывает. На работе я не могла вписаться ни в какую систему — никуда просто. Везде что-то не нравилось. Стала сидеть дома и узнала про фриланс — стало легче. Благодаря работе из дома с людьми практически не нужно общаться, мама приходит кормит — красота. И все деньги на себя. Ещё лучше. Занималась таргет-рекламой. Это типа, когда ищешь целевую аудиторию, и делаешь рекламу на неё. Как-то так. Научилась по курсам в интернете, кстати. Потом мама умерла. Тогда уже работать больше пришлось. Намного больше. Есть себе самой готовить, убираться там. Мы с мамой близки не были, по моей вине или её, а очень жаль. Друзей стала видеть всё реже, хотя хата всегда свободна была.

Вот в школе или шараге если была хата, то всё — ты самый популярный. А теперь это чё-то не работало. А я работала. Как проклятая. Стала такой вещью в себе. Никто не нужен, да и ты никому не нужна. И на двадцать пятый юбилей решила поехать отдохнуть.

Пока мы не познакомились с Лизой, несколько месяцев она тусила совсем одна, как я. Она тогда очень хотела стать известной художницей, но работала продавщицей в местном «Магните», а жила вообще не понятно где. Поэтому стала моей подругой. Она меня и уговорила на лето остаться. Сняли квартирку у моря. Яркую, солнечную с лоджией большой, там я и работала. Лиза дома часто не появлялась и мне не мешала — вдохновение искала. Спали мы там же — на балконе. Уединённое местечко. Простой, ничем не выделяющийся интерьер, в белых тонах, только картина Лизы выделялась красно-синим пятном. А какой у Лизы смех! Да и все её эмоции: я смотрела на её взрывы и восторгалась. Иногда даже, когда она плакала, я не сразу утешать шла, а сперва любовалась. Так это красиво! Смотрели фильмы мы с ней, по берегу гуляли, по городу. Зуб мой Лизу не смущал, она даже смогла убедить меня, что это изюминка, как усы у Фриды Кало. Зимой мы хотели поехать в Грузию, а потом в Индию, из-за чего мне пришлось работать больше. В Грузии вино хорошее, а в Индии растения, так Лиза говорила.

Её нашли мёртвой на берегу. Следов криминальной смерти не было — утонула. Просто утонула. Я видела фото: слипшиеся рыжие волосы, разбросаны по ещё более белому лицу Лизы. Даже не заревела там, а дома вся подушка после этого мокрая была. Вещи её даже складывать особо не пришлось — их было очень мало. Только я начала с кем-то жить, и он умер. Она. Не то чтобы я её любила. На её кремации была только я — родственников то ли не нашли, то ли они не откликнулись. Тогда я же и оплатила все расходы. Так зла была на неё. Не злость даже, а обида. Свалила без меня. Не скажу, что я её любила, но мы были близки, как будто бы душами. Я выплыла на лодке в море и высыпала её прах, она однажды пошутила пьяная, что хочет именно так. Такие вот шуточки. Рыбак, который лодку вёл, конечно, в шоке был. Ещё бы. Я-то сказала сначала, что покататься хочу. Осознание её смерти пришло ко мне не сразу. Хотелось уехать обратно в Екатеринбург, но разницы бы не было. А тут хоть море, почти Питер ёпт.

Чтобы не сойти с ума, стала больше работать, да и других дел-то не было, вдохновение что ли у моря искать. Я же исполняла мечту какого-то одинокого фрилансера! Как тут не работать. По итогу я практически перестала выходить из дома: еду заказывала, а больше ничего и не нужно. Всё остальное онлайн. Только спустя дней тридцать после смерти Лизы меня осенило. Я была одна на её похоронах. А знала её два месяца. То есть если бы она умерла раньше, то никто бы не пришёл на её похороны? И вместо рассеивания праха в море, она покоилась бы в государственной могиле с деревянным крестом. Как человек умирает один? Странно конечно, что у неё друзей не было. Что будет, если я сейчас умру? Тоже с деревянным крестом что ли быть? А вдруг инфаркт и всё. Пролежу тут месяц. Сгнию вся. А потом ещё и в стрёмном гробу в стрёмную могилу. Мда. А есть же бабушки такие, да и не только бабушки. Помрут, а их кошки или собаки от голода одичают и съедят свою хозяйку. Вот такая милота. Я и мои кошки. Никогда не буду животных заводить. Если черепаху только, она меня не съест хотя бы. Наверное.

Лиза рассказывала мне о художниках-акционистах. Действительно, что если я симитирую свою смерть, подумала я тогда. Стану настоящей художницей, как Лиза. И каре пригодится. Можно даже покраситься в зелёный, да и губу проколоть, а потом запереться дома и не отвечать на звонки, и в интернет не выходить. И окна занавесить. Я так и сделала. Большая. Наверное, первым бы задумался владелец квартиры, когда не придёт платёж. Приедет, откроет дверь и найдёт мой труп. Ну якобы труп. А там я с плакатом: «Спасибо, что пришли!». Пригласит телевидение, и я стану известной художницей-акционисткой. Ну или в дурку сдаст. Забавно. Так многие подростки думают: вот умру я и посмотрим, как вы плакать будете. У

меня не это было — просто эксперимент, отвечаю. Ну и способ самовыражения, наверное, о котором никто не узнает. Забавно. Чтобы умереть, умирать не обязательно.

Денег я уже скопила достаточно тогда. Сходила плотно за едой и полностью перестала выходить на связь со всеми. Полный бред. Лежала, ела, смотрела ютуб, в наушниках, конечно, и рисовала. Ну как рисовала. Ручками и карандашами. Первыми обо мне вспомнили клиенты. Друзья не писали. Телефон разрывался от звонков и сообщений, пока не разрядился. Тогда стало сложнее. На ноутбуке был целый интернет, и я посмотрела всё, что откладывала: четыре сериала, двадцать фильмов. А ведь я кино с детства любила, да и читать очень любила. Сидя дома я даже прочитала несколько книг. Я была даже счастлива! Пока не закончился интернет. Заплатила бы, то спалилась. Тогда я долго боролась с собой и уговаривала заплатить. Из бумажных книг в квартире были руководство к стиральной машине и справочник животных красной книги, оставшийся от прошлых жильцов. Наверное, они были ебанутые или экологи. Кстати, цветное лучше стирать в холодной воде, а справочник я так и не осилила. Каждый раз представляла, как они людей могут есть. Даже травоядные. Всё, что мне осталось — смотреть издали в закрытое окно и изучать картину Лизы. Я по-прежнему не понимала, что там нарисовано. Жить в тишине странно, а в первое время даже страшно. День, наверное, на двенадцатый я поставила телефон на зарядку, но не включала. И симку вытащила. Проведать меня так никто и не пришёл, не считая мужчину со странными книгами и жидкой бородкой — увидела в глазок. В зеркало я старалась не смотреть — выглядела, как одичалая поди. Плохая еда, мало света, я ведь окна занавесила, да лежачий образ жизни. Так и провела пятнадцать дней.

А потом мне приснился сон: будто бы я просыпаюсь, а из Лизиной картины дует ветер — холодный, солёный. Укутавшись в одеяло, я вышла через рамку на пляж и пошла по холодному, мокрому песку к воде. И там на море, на пляже, был мальчик инвалид, и он говорит мне: не ходи в море, а я пошла, и меня стало кидать по камням, волнами. Не послушалась, они ведь, такие дети, ангелы, — их надо слушать. Проснувшись на полу, укутанная в одеяло. Ночь. Тихо. Так и лежала на полу, боясь в картину смотреть. Тогда я почему-то о маме подумала. А если бы она в молодости умнее была, а не как я. За богатого там вышла. Мне бы не пришлось заниматься этой фигней. Не работать начинать в восемнадцать, и учиться одновременно, ни жить в той дыре. Могла бы уехать в Питер, платить за учёбу! Что угодно делать. Станный сон всё-таки. «Не ходи в море». Могла бы не ходить, не пошла бы. Все такие эгоисты. Кричит «Не ходи» и не держит, дурак. Я такой маленькой себя тогда почувствовала, стало страшно. Открыла окно и закричала. В лицо ударил ветер. Холодный, солёный. Мне даже показалось, что там на берегу в темноте мальчик стоит, и никакой не мальчик на самом деле он уже, а взрослый, даже старый мужчина. И инвалид он оттого, что сам в море ходил. И кидало его по камням и волнам. Я зарыдала тогда и упала на пол. Какие мы все одинокие перед морем. Никому я не нужна в свои двадцать пять и никого у меня нет. Не смогла вписаться ни в какую систему. Полностью бесполезная. Не знаю. Сама виновата. Не надо было никуда уезжать. Да я теперь даже ради гедонизма жить не могу, когда осознаю всё это. Сидишь, бургер ешь и думаешь: «я ем бургер, приготовленный черт знает кем и зачем. Купила я его за деньги, заработанные на работе, которую ненавижу, но занимаюсь только ей». Я ебанутая. Только жалуюсь. Лежу на полу, вдали от дома, и имитирую собственную смерть.

Когда я проснулась, я сварила кофе, оделась в свою любимую одежду. Решила, что если я художница, то эксперимент нужно описать. Рассказать другим, какая я бесполезная, чтобы они бесполезными не были. Прикол. Не знаю, кто читает моё письмо. Но единственное достижение в моей жизни — понять, почему я прожила её зря.

19 ноября 2019 года. Виолетта.

Данный текст был обнаружен 9 октября. Хозяин квартиры Иван Г., где проживала гражданка В. Не смог выйти на связь с квартиросъёмщицей, хотя день оплаты был 17 ноября. Иван Г. не стал поднимать панику и заявил, что в городе не находился и смог прийти в квартиру

только 7 октября. Связь с В. поддерживал только через интернет, деньги она также переводила на банковскую карту. Паники Иван не поднимал, когда она не прислала деньги, сославшись на забывчивость гражданки В. 8 числа дверь была вскрыта. Все вещи девушки были в квартире. Света не было. Была включена настольная лампа, рядом с которой лежало письмо. Самой В. обнаружено не было. По результатам лингвистической экспертизы, текст девушка написала сама. Также 5 октября на берегу мыса Фиолент был найден труп девушки без документов. В воде она провела порядка 18 дней. Личность установлена не была. Из особых примет: сломанный передний зуб.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.